

Глеб Травин

Мой обелиск

В 1928-1931 годах Глеб Леонтьевич Травин поставил дерзкий эксперимент, объехав на велосипеде всю нашу страну. Почти половина из 85 тысяч пройденных им километров приходится на Арктику. Здесь он передвигался в основном зимой по руслам замёрзших рек и прибрежному льду Северного Ледовитого океана.

Путешествие своё Травин совершил в одиночку. Но тот революционный порыв, протеевский вызов общепринятому, который и подвигнул его на столь необычное дело, свойственен едва ли не всему на редкость героическому поколению молодёжи двадцатых годов. Неслучайно ведь, что первые комсомольцы Чукотки поставили памятник отважному путешественнику на мысе Дежнева – крайней восточной точке Союза Советских Социалистических Республик.

Олег ЧЕЧИН

Ранней весной 1930 года я возвращался по льду вдоль западного побережья Новой Земли снова на юг, к острову Вайгач. Весь день дул ураганный восточный ветер. Его шквальные порывы сбрасывали меня с велосипеда и волокли по льду на запад. Выручал нож. Я вонзал его в лёд и держался за рукоятку, пока ветер не утихал немного. В десяти километрах от берега лёд был устлан графитными плитами. Ветер расщеплял на Новой Земле графитные пласты в горах.

Я постарался устроиться на ночлег подальше от берега – в открытом море. Как всегда, вырубил топориком несколько кирпичей из битого ветром и морозом снега, сделал из них заветрие – хоронушку. У изголовья поставил велосипед передним колесом на юг, чтобы утром не терять время на ориентировку, загрёб на себя побольше пухлого снежку с боков вместо одеяла и заснул.

Спал я на спине, скрестив руки на груди – так было теплее. Проснувшись, не мог разжать ни рук, ни повернуться. Ночью рядом с моим ночлегом образовалась трещина. Выступила вода, и снег, которым я был укрыт, превратился в лёд. Словом, я очутился в ледяной ловушке.

На поясе у меня был нож. С большим трудом я высвободил одну руку, извлёк нож и стал обивать лёд вокруг себя. Это была утомительная работа. Лёд откалывался мелкими кусочками. Я порядком устал, прежде чем освободил себя с боков. Но со спины обить себя было нельзя. Я рванулся всем телом вперёд и почувствовал, что приобрёл ледяной горб. И ботинки тоже нельзя было высвободить полностью. Сверху я их очистил ото льда, а когда выдернул ноги – обе подошвы остались во льду.

Я оказался словно в ледяном скафандре. Волосы смёрзлись и торчали колом на голове, а ноги почти оголены. Смёрзшаяся одежда мешала сесть на велосипед. Пришлось мне брести с ним по снежному насту.

Мне повезло: попался олений след. Кто-то недавно проехал на санях. След был свежий, ещё не запорошенный снегом. Долго шёл я за ним. В конце концов он привёл меня к жилью. Я поднялся на остров и увидел дымок на бугре. От радости у меня вдруг отнялись ноги. Я пополз на одних руках к ненецкому чуму.

Общеизвестна удивительная отзывчивость народов Севера, их внимание к попавшему в беду человеку. А тут вдруг ненцы, заметив меня, пустились бежать. Вид-то у

меня был, как у пришельца с другой планеты: ледяной скафандр, длинные волосы без шапки, да ещё «железный олень» – велосипед!

Я с трудом поднялся на ноги. От группы ненцев отделился старик, но не стал приближаться ко мне. Я сделал шаг к нему, а он – от меня. Старик немного понимал по-русски. Я стал объяснять ему, что обморозил ноги, но он по-прежнему пятился от меня. Только когда я упал, обессиленный, в снег, старик поверил мне и пригласил в чум.

С его помощью я снял с себя одежду, вернее, не снял, а разрезал по кускам. Шерсть на свитере смёрзлась, тело под ним было белое, обмороженное. Я выскочил из яранги и стал растирать себя снегом.

Может, всё бы и обошлось, если бы выдержка мне не изменила! Пока я растирал себя, в чуме приготовили обед. Старик позвал меня, и я соблазнился, хотя большие пальцы на ногах ещё не отошли. Я выпил кружку горячего чая, съел кусок оленины и вдруг почувствовал сильную боль в ногах. К вечеру большие пальцы вздулись в какие-то синие шары. Боль не утихала. Я опасался гангрены и решил сделать операцию. В чуме некуда было спрятаться от настороженных глаз. Пришлось ампутировать обмороженные пальцы на виду у всех. Я обрезал ножом вокруг наболевшую массу и снял её, как чулок, вместе с ногтем. Рану смочил глицерином (я заливал его в камеры, чтобы они лучше удерживали воздух на морозе). И вдруг женщины бросились к выходу из яранги с криком: «Кели! Кели!» я перевязал рану носовым платком, разорвав его пополам, и принялся за второй палец. Потом, когда операция закончилась и женщины вернулись в чум, я поинтересовался, что такое «кели». Старик объяснил, что это чёрт-людоед. «Ты, – говорит, – режешь сам себя и не плачешь. А это только чёрт так может!»

Меня принимали за чёрта в Средней Азии. В Душанбе летом 1929 года я зашёл в редакцию местной газеты с просьбой перевести на таджикский язык надпись на нарукавной повязке: «Путешественник на велосипеде Глеб Травин». Редактор смутился, не зная, как перевести слово «велосипед». Велосипедов тогда почти не было в тех краях, и это слово мало кто понимал. В конце концов, велосипед перевели как «шайтан-арба» – «чёртова телега».

В Самарканде напечатали мне другую нарукавную повязку – на узбекском языке. А перевод «шайтан-арба» так и оставили. Не нашлось более подходящего слова для велосипеда и на туркменском языке. Из Ашхабада в пески Каракумов я также отправился на «чёртовой телеге».

В связях с нечистой силой меня подозревали и в Карелии. Там сплошные озёра, а я проехал их напрямик по первому ноябрьскому льду. До этого у меня был опыт такого передвижения. Смотритель маяка на Байкале подсказал мне, что зимой в Сибири удобнее всего ездить по льду. По его совету я пересёк на велосипеде замёрзший Байкал, а затем пробирался сквозь тайгу по руслам замёрзших рек. Так что замёрзшие озёра в Карелии для меня не были преградой. Скорее преградой был слух, будто едет по озёрам на диковинном звере диковинный человек с железным обручем на голове. За обруч принимали ленту, которой я подвязывал длинные волосы, чтобы они не спадали на глаза.

Этот слух раньше меня прибыл в Мурманск. Когда я въехал на окраину города, меня остановил какой-то человек в валенках. Это оказался врач Мандрусенко, старожил Севера. Он ни в каких чертей не верил, но то, что он слышал обо мне, считал сверхъестественным. Врач потрогал мою меховую куртку, тёплые ботинки, перчатки, а потом попросил разрешения обследовать меня. Я согласился. Он пощупал пульс, послушал лёгкие, постучал по спине и по груди и удовлетворённо крикнул:

- У тебя, брат, здоровья хватит на два века!

У меня сохранилась фотография об этой встрече. Я порой с улыбкой разглядываю её: врач-атеист – и тот не сразу поверил, что я просто хорошо тренированный

обыкновенный человек, увлечённый необыкновенной мечтой! Да, прав Эйнштейн: «Предрассудок труднее расщепить, чем атом!»

Непривычное пугает и человека, и зверя. Как-то два года назад я прочитал в газете «Известия» заметку о том, как велосипед напугал льва. Царь зверей разлёгся на тропе, по которой ехал почтальон-африканец, и тот запустил во льва (скорее, от страха, чем сознательно) своим велосипедом. Лев тут же обратился в постыдное бегство.

Могу подтвердить из своего собственного опыта, что и властелин Уссурийской тайги – тигр – испугался велосипеда. Тигр долго преследовал меня, прячась в кустах, грозно рычал, трещал сучьями, но так и не отважился напасть. Его смущал велосипед. Никогда тигр не видел такого странного зверя на колёсах и предпочёл воздержаться от агрессивных действий. У меня же тогда даже ружья с собой не было.

В дальнейшем я не раз убеждался, что все звери – в тайге ли, в тундре – остерегались нападать на меня именно из-за велосипеда. Их отпугивала его яркая красная окраска, блестящие никелированные спицы, масляный фонарь, трепещущий на ветру флажок. Велосипед был моим надёжным телохранителем, внушая зверям страх своим необычным видом.

Страх перед непривычным инстинктивен. Я сам испытал его не раз во время своего путешествия. Особенно жутким он был для меня, когда я покинул чум после своей операции. Я с трудом переставлял налитые болью ноги и был так слаб, что на меня осмелился напасть голодный песец. Это хитрый, злой зверёк. Он обычно остерегается нападать на людей, а тут стал хватать меня за торбаса, которые подарил мне старик ненец. Я упал в снег, песец набросился со спины. Я скинул его с себя, метнул нож. Но песец – вёрткий, попасть в него нелегко. Стал я доставать нож из сугроба – песец впился в руку, укусил. Всё же я его перехитрил. Потянулся снова за ножом левой рукой, песец метнулся к ней, а я его правой – за шиворот.

Шкура этого песца потом путешествовала со мной до Чукотки. Я закутывал ею горло вместо шарфа. Но мысль о нападении песца ещё долго преследовала меня как кошмар. Я мучился сомнениями: уж не бешеный ли этот песец? Ведь они никогда не нападают на человека в одиночку! Или и в правду я так ослаб, что песец избрал меня своей добычей? Как же мне тогда тягаться с ледовой стихией?

Привыкнуть к боли в ноге было невозможно. Она чувствовалась при каждом шаге, особенно утром. Прежде чем сесть на велосипед, приходилось подолгу разминаться. Боль сопровождала меня до конца пути. И постоянно мучил страх, что я не смогу из-за неё довести до конца свою затею. Каждый день приходилось укрощать в себе и эту боль, и этот страх.

Я подготовил себя к путешествию только с расчётом на свои силы. Помощь со стороны оказывалась для меня порой просто помехой. Особенно остро я это почувствовал на борту ледокола «Ленин», затёртого льдами у Новой Земли в Карском море. Ледовая обстановка в июле 1930 года была очень суровая. Путь к устью Енисея, куда ледокол вёл целый караван советских и зарубежных судов за лесом, был надолго закрыт. Узнав об этом, я выпросил у жителей острова Вайгач старую лодку, отремонтировал её, поставил парус и отправился с врачом и ещё двумя попутчиками к месту ледового заточения ледокола. Дойдя до ледовых полей, мы высадились из лодки и добрались до борта корабля пешком. Капитан ледокола Шмидт устроил в кают-компании пресс-конференцию. Мне пришлось сказать, что я не первый велосипедист в полярных широтах. Велосипед был на вооружении последней экспедиции Роберта Скотта к Южному полюсу в 1911-1912 годах. Правда, он использовался лишь для прогулок на главной базе экспедиции в Антарктиде.

Я рассказал, что путешествую на велосипеде вдоль границ СССР почти два года. Начал с Камчатки, проехал Дальний Восток, Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ, Крым, среднюю полосу, Карелию. И вот теперь собираюсь добраться до Чукотки.

Я подробно рассказал о подготовке к этому путешествию. Началась она 24 мая 1923 года, когда в Псков приехал голландский велосипедист Адольф де Грута, объехавший почти всю Европу. «Голландец может, - подумалось мне тогда, - а разве я не могу?» С этого вопроса и зародился во мне интерес к сверхдальним рейсам.

На подготовку ушло пять с половиной лет. За это время я наездил тысячи километров на велосипеде у себя на Псковщине, причём ездил в любую погоду и по любым дорогам. Отец-лесник ещё в детстве научил меня находить еду и ночлег в любой местности. От него я научился питаться сырым мясом. Эти навыки я стремился ещё больше развить в себе.

Во время армейской службы, которую я проходил в Ленинграде, в штабе Ленинградского военного округа, я усиленно изучал географию, геодезию, зоологию и ботанику, фотографирование, слесарное дело (для ремонта велосипеда) – словом, всё, что могло мне пригодиться для далёкого путешествия. Ну и конечно, закалял себя физически, участвуя в соревнованиях по плаванию, штанге, в велосипедных и лодочных гонках.

Демобилизовавшись из армии в 1927 году, я получил специальное разрешение от командующего Ленинградским военным округом на поездку на Камчатку. Мне хотелось испытать себя в совершенно незнакомых условиях.

На Камчатке я строил первую электростанцию, которая дала ток в марте 1928 года, работал на ней электриком. А свободное от работы время целиком занимали тренировки. Я испробовал себя и велосипед на горных тропах, на переправах через стремительные реки, в непроходимых лесах. На эти тренировки ушёл целый год. И только убедившись, что велосипед меня нигде не подведёт, я отправился пароходом из Петропавловска-на-Камчатке во Владивосток.

Я рассказывал об этом стоя, отказавшись от приглашения капитана сидеть, как все присутствующие. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, чтобы приглушить нестихающую боль, и боялся лишь одного – обнаружить эту боль. Тогда, думал я, меня не отпустят с корабля. Возражений у собравшихся в кают-компании и без того было достаточно. Профессор Н. И. Евгенов, например, заявил, что он десять лет изучал Таймыр и устье Енисея и знает, что зимой там не остаются даже волки. Морозы и снежные бури в этих краях изгоняют всё живое на юг.

На моё же замечание, что зимой я предпочитаю ездить по льду, а не побережьем океана, знаменитый русский гидрограф лишь замахал руками и назвал меня самоубийцей.

Но я уже знал: как ни сурова зима в прибрежных арктических льдах, жизнь там полностью не замирает. От сильных морозов на льду образуются трещины. Каждая такая трещина даёт о себе знать ощутимым гулом. Вместе с водой в эту трещину устремляется рыба. Я наловчился зацеплять её крюком из велосипедной спицы. На день мне хватало двух рыбин. Одну я съедал живьём, другую – мороженой, как строганину. Кроме рыбы в моё меню входило также сырое мясо. У местных охотников я научился выслеживать и стрелять северного зверя – песца, тюленя, моржа, оленя, белого медведя. Я принимал пищу дважды в сутки: в шесть часов утра и шесть вечера. Восемь часов ежедневно уходило на дорогу, восемь часов – на сон, остальное время – на поиск пищи, устройство ночлега, дневниковую запись.

Езда на велосипеде по твёрдому снежному насту только на первый взгляд кажется невозможной. У берега приливы и отливы нагромождают торосы. Я уходил на десятки километров от берега, где были ледовые поля, позволявшие развивать порой большую скорость, чем на просёлочной дороге.

И всё же никто из собравшихся в кают-компании не принял всерьёз моё намерение доехать на велосипеде до Чукотки. Меня слушали с интересом, некоторые даже восхищались, но все сходились на том, что затея неосуществима.

На ночлег меня устроили в судовом лазарете. На ледоколе не было свободной каюты, и всё же я опасался, что кто-то догадался про мои больные ноги. Эти опасения

мучили меня всю ночь. Утром, чтобы доказать, что у меня всё в порядке с ногами, я покатался по палубе на велосипеде. А потом поблагодарил капитана корабля за гостеприимство и объявил, что ухожу. Я знал ещё от радистов на острове Вайгач, что километрах в тридцати впереди ледокола «Ленин» льды затёрли пароход «Володарский», и воспользовался этим в качестве предлога для ухода. На пароход «Володарский» капитан согласился меня отпустить, хотя отыскать его среди льдов было нелегко.

Я уходил с ледокола на следующий день в шесть часов утра. Несмотря на ранний час, вся палуба была заполнена людьми, словно их подняли по тревоге. Я чувствовал себя, как на судилище, спускаясь по шторм-трапу на лёд вместе с лётчиком Б. Г. Чухновским. Он меня сфотографировал на прощание.

Только я отошёл от ледокола, вслед мне последовало три гудка. А я знал: когда труп сбрасывают в море, тоже дают три гудка. Последнее, так сказать, прости! Такое и мне было напутствие.

Большого труда мне стоило не смотреть в сторону ледокола. Я постарался поскорее уйти за торосы, чтобы он скрылся из виду. Я боялся, как бы меня не притянуло к нему обратно. Я ж отдавал себе отчёт, что от жизни ухожу – от тепла, пищи, крыши над головой. Но желание осуществить свою мечту всё же взяло верх.

Я вовремя добрался до парохода «Володарский». На другой день ветер разогнал льды вокруг него, и пароход своим ходом дошёл до острова Диксон. С Диксона я перебрался на Таймыр.

Неприступна земля Таймыр – самая северная на Азиатском континенте. Сколько раз о неё разбивался замысел мореплавателей продолжить путь вдоль берегов Сибири на восток! Только в 1878-1879 годах удалось пройти эту трассу русско-шведской экспедиции, возглавляемой Э. Норденшельдом, да и то за два года с зимовкой. А первый сквозной рейс в одну навигацию совершил лишь в 1932 году знаменитый «Сибиряков». За два года до этого рейса Таймыр подверг меня суровому испытанию.

В конце октября я переезжал Пясину, самую большую реку на Таймыре. Шесть лет спустя на ней начал строиться Норильск. Река недавно замёрзла, лёд был скользкий и тонкий. Уже ближе к противоположному берегу велосипед поскользнулся, я упал с него и проломил лёд. Выбраться из полыньи было трудно. Лёд крошился под руками, ломался под тяжестью тела. Когда я почувствовал, что лёд меня держит, распластался на нём, раскинув руки и ноги. Никогда не забуду этот миг. Солнца уже с неделю не было видно, вместо него на блестящем, зеркальном льду играли алые блики полуденной зари. Они понемногу гасли. Я чувствовал, как вместе с ними угасает и моя жизнь. Промокшая одежда тут же смёрзлась и заледенела на морозе. Усилием воли я заставил себя пошевелинуться. Осторожно, отталкиваясь руками, как тюлень лапами, я подполз по льду к велосипеду, оттащил его от опасного места.

После этой ледяной купели Таймыр всё же вознаградил меня. Выбравшись на берег Пясины, я наткнулся на едва припорошенные снежком «кочки». Они оказались ободранными тушами оленей, стоямя воткнутыми в снег. Тут же горой лежали снятые шкуры. Видно, накануне ледостава здесь переправлялось на другой берег стадо диких оленей, и ненцы кололи их в воде. Охота была удачна, часть мяса была оставлена про запас.

Я прежде всего забрался в середину штабеля из оленьих шкур, чтобы согреться. Одежда вытаивала на мне от тепла тела. Поужинав мороженым мясом, я крепко заснул. Утром проснулся здоровым и бодрым, чувствуя в себе новый прилив сил. Вскоре мне встретилась собачья упряжка. Ехавший на ней ненец немного повёз меня и подсказал, как лучше добраться до Хатанги.

Однажды мне довелось послушать шамана. Меня пригласил к нему старик якут, у которого я переночевал в яранге. Старик помог мне починить треснувший руль. Вместо руля он предложил ствол старой норвежской винтовки, согнув её на огне. И нужно сказать, что

новый руль меня ни разу не подвёл. До сих пор он сохранился на моём велосипеде. Я не знал, как отблагодарить старика за починку, и он ничего не хотел от меня принимать. В конце концов, якут всё же признался, что его замучили глисты. Я дал ему лекарство, которое я взял с собой на всякий случай в дорогу. Лекарство помогло. Старик рассказал об этом всему стойбищу и, желая ещё чем-нибудь мне угодить, предложил съездить к шаману. Я согласился, поскольку никогда не встречался с шаманами.

Якут запряг оленей и повёз меня в горы. Яранга у шамана была побольше, чем у других жителей. Он вышел к нам из-за полога в свете жирника. В яранге уже сидели кружком якуты. Шаман тряхнул побрякушками и распоротой одеждой и мерно забил в бубен, понемногу ускоряя ритм. Он пританцовывал, заунывно напевая, а собравшиеся в яранге вторили ему, раскачивая свои тела.

Я загляделся на тень, падавшую на стену от всё убыстряющегося танца шамана. Он словно гипнотизировал слушателей своей игрой и движениями и чем-то показался мне похожим на кобру, которая вот так же покачивалась передо мной в ущелье на границе с Афганистаном...

...Я ехал по этому ущелью при сильном попутном ветре. Смеркалось. Я зажёл масляный фонарь, надеясь проскочить ущелье до наступления полной темноты. И вдруг передо мной мелькнул свет. Я нажал на тормоз, прыгнул – и замер от неожиданности. В метре от переднего колеса стояла на хвосте кобра. Распустив капюшон, она раскачивала головой. В её глазах отражался свет от масляного фонаря.

Я медленно попятился назад, и тут только заметил, что под ногами у меня и на стенках ущелья – клубки свившихся змей. Парализованный страхом, я двигался, как в замедленной съёмке и не спускал глаз с кобры, стоявшей навтыжку передо мной, словно часовой. Я сделал несколько шагов назад, каждый из которых мог оказаться смертельным для меня. Кобра не шелохнулась. Тогда я осторожно развернул велосипед и сел на него, обливаясь холодным потом. Ноги нажимали на педали изо всех сил, а мне казалось, что велосипед мой прирос к земле...

Вдруг старый якут, приведший меня сюда, потянул меня за рукав к выходу. Я не сразу понял, чего он хочет. Лишь глаза говорили, что он в тревоге.

На улице старик сказал, что шаману я чем-то не понравился. Шаман под свой бубен сочинил целую историю про меня. Будто со мной было ещё два спутника, но я их убил и съел. Старик не поверил шаману: он не здешний, он пришёл откуда-то с юга.

Тут из яранги вышел шаман в накинутах на голое тело шубе. Теперь на свету я мог лучше разглядеть его лицо. Оно заросло густой чёрной бородой, разрез глаз раскосым не был.

- Доктор, перевяжи мне палец! – сказал он срывающимся голосом. Выговор у него был не якутский.

- Я такой же доктор, как ты шаман!

Я прыгнул к старику в сани, и он во всю мочь погнал оленей.

Несколько дней спустя я добрался до селения Русское Устье на Индигирке. В этом селении из десятка рубленых изб жили русские охотники, промышлявшие пушным зверем. На сотни километров вдоль побережья океана были расставлены их «пасти» - огромные ловушки из брёвен для песцов. В устьях рек мне попадались охотничьи землянки, срубы или яранги, обложенные дерном. В них можно было найти немного дров и кое-что из еды.

Меня удивил мягкий, певучий говор русскоустынцев. Старейшин молодёжь почтённо называла батями. От них я узнал предание, будто русское селение в устье Индигирки существует со времён Ивана Грозного. Селение основали поморы, прибывшие сюда с запада на кочах – небольших плоскодонных парусниках. Поморы, в свою очередь, были выходцами из Новгородской земли. А сам я – пскович, так что русскоустынцам доводилось почти что земляком. Я, конечно, говорил им об этом шутя.

Меня и без того принимали очень радушно. Я побывал гостем в каждом доме, ел лепёшки из икры, праздничную строганину. Пил кирпичный чай и рассказывал всё, что знал о жизни в Центральной России и по полярному побережью. И ещё я им рассказывал о псковичах – первопроходцах северных морей, побывавших в этих местах до меня: братьях Дмитриии и Харитоне Лаптевых и Врангеле. Имя братьев Лаптевых увековечено в названии полярного моря и берега на полуострове Таймыр. Имя же Врангеля носит остров недалеко от Чукотки.

Я прожил в русском устье несколько счастливых дней. Учительница уехала в райцентр, вместо неё я давал ребятам уроки географии. Они слушали меня с огромным интересом, по несколько раз просили рассказать о тёплых краях. Ну и конечно, я всех их перекатал на велосипеде.

Но эти счастливые дни были омрачены бандитами. Недалеко от села они убили комсомолку-учительницу, возвращавшуюся в школу из районного центра. Вместе с другими жителями селения я отправился на поиск банды. Главаря удалось захватить в плен. Им оказался мой старый знакомый – «шаман». Это был бывший белогвардейский офицер, продолжавший вести борьбу с Советской властью.

От охотников в Русском Устье я узнал о дрейфе знаменитого норвежского полярника Руаля Амундсена на шхуне «Мод» вблизи Медвежьих островов в Восточно-Сибирском море. Его шхуна была затёрта льдами здесь во время арктической экспедиции профессора Харальда Свердруп в 1924-1925 годах. Р. Амундсен и его спутники сделали остановку на острове Четырёхстолбовом. Я решил разыскать эту стоянку. Дорогу к острову мне подсказали жители Русского Устья, заходившие зимой во время охоты на Медвежьих острова.

Я подошёл к острову Четырёхстолбовому с северо-восточной стороны. Там, у большого камня, была площадка. На ней я обнаружил припорошенные снегом норвежский топорик с длинной ручкой, четыре чайные чашки и тёмную бутылку из-под вина. Она была запечатана сургучом. Сквозь стекло можно было разглядеть подпись на записке: «Амундсен».

В моей памяти была ещё свежа горестная весть о гибели этого отважного человека, покорившего Южный полюс. Руаль Амундсен погиб в 1928 году в Баренцевом море. Советские рыбаки случайно выловили в районе его гибели крыло самолёта, на котором он разыскивал потерпевший катастрофу дирижабль «Италия» с Нобиле на борту.

Свято чтя законы Севера, я не тронул реликвии Амундсена на острове Четырёхстолбовом. Рядом с ними я оставил свои: несколько патронов, немного дробинок, поломанные детали от велосипеда и флакон из-под глицерина, куда я вложил описание проделанного мной маршрута. Флакон я запечатал куском стеариновой свечи.

С Четырёхстолбового я снова отправился к материку. Подходя к скалистому, обрывистому берегу, издали заметил белое пятно. Я принял это пятно за песка. Вблизи же оно оказалось белой медведицей. С первого выстрела я ранил её. К счастью, она не стала сразу нападать, а взяв в зубы какой-то белый комочек, полезла с ним по скале наверх. Я же не мог перезарядить своё ружьё из-за поперечного разрыва гильзы. Мне никак не удавалось выбить её, а медведица подымалась всё выше по скале. Время от времени она вытягивала длинную шею и становилась похожей на журавля.

Наконец мне удалось выбить из ствола застрявшую гильзу. Я снова выстрелил. Медведица застыла на отвесной скале с вытянутой шеей.

Мне с трудом удалось добраться до своей добычи. И тогда я понял, почему медведица не напала на меня. Она спасала своего медвежонка. Материнский инстинкт оказался сильнее инстинкта хищника.

Я спустил медведицу за лапу на лёд, освеживал. Шкура её оказалась длиной в шесть шагов. А медвежонок у неё был совсем маленький. Я забрал его с собой и путешествовал с ним полтора месяца.

Мы вскоре с ним подружились. Я назвал его Мишуткой. Мне с ним и веселее, и теплее было в пути. Спали мы вместе, прижавшись друг к другу. Медвежья шуба мохнатая, хорошо греет. Только со сна медвежонок пытался иногда укусить мне руку. Нельзя было снимать рукавицы. Питались мы с ним также вместе, в основном рыбой. Нам с Мишуткой хватало по две рыбины: одну свежую – на ужин, другую мороженую – на завтрак. Медвежонок, правда, когда ел, снова становился похожим на зверя: рычал и старался при кормёжке укусить мою руку. Однажды, когда ему это удалось, я рассердился на него и решил наказать. Я забросил его за высокий торос, чтобы он не видел меня, а сам сел на велосипед и поехал по плотному снежному насту. Мишутка тут же начал кричать: «Вакулику! Вакулику!» Дескать, «прости меня, я больше не буду!».

Он догнал меня, кувырк под переднее колесо и весь день никуда от себя не отпускал. Видно, и в самом деле испугался остаться один.

Иногда к трещине на льду, где мы выуживали рыбу, кроме нас с Мишуткой, устремлялись и другие рыболовы: тюлени и песцы. Однажды нам встретился огромный белый медведь. Царь Арктики был не один, а с целой свитой. Его сопровождала стая песцов в надежде, что он поделится с ними добычей.

Я путешествовал с медвежонком до Певека. Здесь чукчи не меньше, чем велосипеду, подивились дружбе человека и медведя. У чукчей медведь – священное животное, как в Индии корова.

В Певеке я остановился у хозяина фактории. Мишутка, как всегда, сердясь во время еды, опрокинул на пол миску с горячим супом, которым угостил его хозяин. В наказание я выпроводил медвежонка в сени. Но хозяин очень беспокоился за него и уговорил меня постелить в сенях медвежьё шкуру, чтобы Мишутке было теплее. Утром мы обнаружили медвежонка мёртвым. У меня было несколько медвежьих шкур, и я по ошибке постелил ему шкуру его матери. Теперь уже мне захотелось сказать Мишутке: «Вакулику!»

С тех пор белых медведей я и в самом деле больше не убивал. Стыдно стало уничтожать такого огромного и редкого зверя ради нескольких килограммов мяса, которое я мог съесть или взять с собой в дорогу.

Мне дорого любое живое существо. Я убивал зверя только по необходимости. Меня природа тоже могла убить, но пощадила. Пощадила, потому что я уважительно отнёсся к ней, стремясь постигнуть и применить её законы, и всюду следовал её живым образцам.

Из Певека я снова уходил один. От хозяина фактории Семёнова в обмен на шкуру белой медведицы и медвежонка я получил два винчестера и 1200 патронов. Оружие и боеприпасы мне были нужны, чтобы залетовать на острове Врангеля, где весной 1931 года работала советская научная экспедиция с радиостанцией.

С мыса Беллинга я наблюдал остров Врангеля в подзорную трубу. Мне подарил её в Певеке Семёнов. К этому времени у меня не было уже ни бинокля, ни часов – потерял в пути. И на фактории их не оказалось. Вот и пришлось взять французскую подзорную трубу. Таскать её с собой было не очень удобно. Она была большая, как у Паганеля. Зато обзор из неё был хороший. С помощью подзорной трубы я сориентировался и взял направление на остров Врангеля. Но до него я не дошёл.

Весна 1931 года пришла в Арктику неожиданно рано. В пути между побережьем Чукотки и островом меня застала подвижка льда. Я узнал об этом, несколько раз увидев на льду свой велосипедный след. Шёл я по компасу, который ни разу не подвёл меня в пути. Определив направление ветра, я понял, что пересекаю свой собственный след потому, что оказался на движущемся ледовом поле. Состояние было, конечно, жуткое.

Десять дней не было никакой видимости. Шёл густой, мокрый снег, или выпадал туман. Это были, пожалуй, самые тяжёлые дни путешествия. Я не мог добыть никакой пищи – ни подстрелить тюленя, ни поймать рыбу. Выручил меня неприкосновенный запас (2 килограмма шоколада и галет), который дала мне в дорогу жена ещё в Петропавловске-на-Камчатке. За два с половиной года я ни разу не прикоснулся к своему НЗ. Лишь однажды, в Архангельске, пополнил его свежим шоколадом. Полплитки шоколада и три галеты – таков был мой ежедневный рацион питания во время дрейфа во льдах Чукотского моря.

Нужно сказать, что до этого (будь то на востоке, юге или севере нашей страны) голодал я не часто и не подолгу. Мясо и рыбу ел обычно в сыром виде. Питался также ягодами, грибами, всевозможными съедобными плодами и травами. Я заранее изучил флору и фауну тех мест, где мне предстояло путешествовать. А практические навыки к нахождению пищи (так же, как и ночлега) приобрёл ещё в детстве от отца-лесника. Тренировки на Камчатке ещё больше развили и закрепили во мне эти навыки.

Порой приходилось приучать свой организм к необычному питанию. Так, в Каракумах я пробовал сырое мясо черепах и даже саранчу – в порядке эксперимента. Целая стая этих насекомых совершала перелёт через пески. Я читал, что саранчу и кузнечиков употребляют в пищу некоторые племена в Азии и Африке (в частности, кажется, пигмеи). И, подавив в себе отвращение, ел этих насекомых, чтобы поддержать в себе жизнь. Никаких расстройств с желудком у меня не было. Этому способствовало, вероятно, то, что я всё время находился в движении, в напряжённом стремлении к твёрдо поставленной цели.

На одиннадцатые сутки мне повезло. Снегопад внезапно прекратился, и я увидел на горизонте мыс – круглый, как русский хлеб. Льдину несло мимо этого мыса. Я решил добираться до него вплавь. Куртку и свитер я завязал в клубок и прикрепил к багажнику. А документы привязал к голове, чтобы не замочить.

Велосипед со снаряжением весили около восьмидесяти килограммов. Он погрузился в воду, но одежда и багаж удерживали его на плаву. Я буксировал велосипед с помощью верёвки. Здесь пригодился опыт, приобретённый во время тренировок на Камчатке. Так я переправлял велосипед через холодные горные реки. А к студёной воде я приучил себя ещё в Пскове, купаясь зимой в проруби.

До берега оказалось дальше, чем я предполагал. Да и выбраться из воды оказалось не так-то просто. Пришлось курсировать вдоль высокого прибрежного припая льда, выискивать место, где можно было бы зацепиться рукой. Когда удавалось схватиться рукой за выступ или скол льда, ногам не на что было опереться. Наконец, в ледовой стенке нашёлся приступок, куда можно было забраться вместе с велосипедом. Из последних сил я вытянул себя и велосипед на верх берегового припая.

Тут, наверху, сразу почувствовал мороз и ветер. Узел, в который я завернул свою одежду, обмёрз. Разгрызал его зубами – нож был упакован в середине багажа. Потом с большим трудом надел на себя свитер и куртку. Всё было ледяное. Первое время я не ехал на велосипеде, а бежал по берегу вместе с ним, чтобы согреться.

Через три дня добравшись до Уэлена, я узнал, что у мыса, где я выбрался на берег, была раздавлена шхуна «Чукотка». Команда спаслась и прибыла на Уэлен, где была радиостанция, чтобы передать в эфир сообщение об этом бедствии. Но радиостанция вышла из строя. Ураганный ветер оборвал антенну. Она была подвешена на высокой мачте на краю скалистого берега. Никто не отваживался забраться наверх, потому что ствол мачты обледенел на холодном ветру.

Как бывший монтер-электрик, год проработавший на электростанции в Петропавловске-на-Камчатке, я решил взяться за ремонт. Надев на ноги монтерские «когти», и прикрепив кусок проволоки к ремню на поясе, я полез по мачте наверх.

«Когти» мне помогли взобраться только до половины мачты. А дальше они заскользили по заледенелой поверхности. Ствол мачты был не круглый, а восьмигранный. Цепляться за него «когтями» было вдвойне тяжело.

Тут я только понял, за какое рискованное дело взялся. Высота самой мачты метров двадцать, да внизу скалистый обрыв метров на шестьдесят. Сорвись я сверху, в живых бы вряд ли остался. А внизу, задрав головы, с надеждой смотрели на меня и русские, и чукчи. Ведь это же ЧП для радистов – потерять связь с Москвой. Отступать было некуда, и я полез дальше без «когтей», подтягиваясь на одних руках.

Когда я добрался до оборванной антенны, возникли новые препятствия. Очень трудно было держаться за скользкую мачту одной рукой. Ведь другой я должен был отцепить кусок проволоки от пояса, взять её в зубы и продеть через блок. На это ушло много времени.

Мачта сильно раскачивалась под моей тяжестью, того и гляди сломается. Мне нельзя было делать резких движений. А блок антенны от ствола мачты прикреплён довольно далеко. Так вот и приходилось балансировать, как циркачу: то ствол выскальзывал из рук, то антенна.

Невероятного напряжения стоил мне этот ремонт. Одной рукой всё же продел проволоку в блок, охватил её двумя пальцами с другой стороны и закрепил антенну зубами.

Рация снова заговорила. Радист наладил связь с Петропавловском-на-Камчатке и выполнил мою просьбу – дал сообщение о моём нахождении на Чукотке. Вскоре пришёл ответ. Мне предлагалось немедленно возвращаться в Петропавловск. До него было ещё две с лишним тысячи километров пути.

Жители Чукотки тепло провожали меня. Они установили памятный знак за велопереход по Великому северному пути. Знак был установлен на пирамидальном камне на мысе Дежнева. Там, на площадке среди россыпей камней, стоял раньше крест Дежневу – отважному первопроходцу из Великого Устюга. Этот крест пришёл в негодность, но шаманы не разрешили комсомольцам заменить его новым. Они уверяли чукчей, что новый крест будет отпугивать китов и моржей. И тогда был принят компромиссный вариант – поставить пока что памятный знак велосипедисту. Так в июле 1931 года на мысе Дежнева появился оцинкованный флажок. Между двумя листами железа была зачеканена моя фотокарточка и запись пройденного маршрута. Основанием этого знака служила гильза трёхдюймового артиллерийского снаряда, изготовленная в 1914 году. Как она оказалась на Чукотке, никто не знал. Там никогда никаких войн не было, а военные части появились гораздо позднее 1914 года. Скорее всего эта гильза придрейфовала сюда со льдами с севера Европы. На гильзе была высечена керном надпись: «СССР. Турист-путешественник на велосипеде Глеб Травин. 12. VII. 1931 года».

Внутри гильзы были положены шарики и поломанные детали от велосипеда. Чтобы туда не проникала сырость, сверху гильзу прикрыли свинцовой крышкой. Этот знак изготовили комсомольцы Чукотки.

В 1969 году я снова побывал на Чукотке, совершая перелёт на самолёте с корреспондентом «Известий» и «Камчатской правды» Н. С. Ильенко по местам своего арктического маршрута. Памятный знак на мысе Дежнева к тому времени разрушился, но местные жители меня заверили, что они установят дубликат. Его изготовили в механических мастерских псковские комсомольцы. Горисполком Пскова послал этот обелиск на Чукотку, и теперь он снова встречает и провожает корабли, идущие через Берингов пролив.